

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПСИХИАТРИЯ

УДК 616.89:613-86:616.89-008.444:316.62:316.758

Для цитирования: Коцюбинский А.П., Коцюбинский Д.А. Тезаурус информационной психиатрии. Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2026. № 1 (130). С. 37-51. [https://doi.org/10.26617/1810-3111-2026-1\(130\)-37-51](https://doi.org/10.26617/1810-3111-2026-1(130)-37-51)

Тезаурус информационной психиатрии

Коцюбинский А.П.¹, Коцюбинский Д.А.²

¹ ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и неврологии им. В.М. Бехтерева» Министерства здравоохранения Российской Федерации
Россия, 192019, Санкт-Петербург, ул. Бехтерева, 3

² Автономная некоммерческая организация «Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский центр»»
Россия, 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, 25, лит. А

РЕЗЮМЕ

В настоящее время проблема воздействия интернета, социальных сетей и цифровых технологий на психику человека вышла на качественно новый уровень. В связи с этим в недрах социальной психиатрии возникло новое направление – информационная психиатрия, изучающая влияние цифровых и электронно-сетевых факторов на психическое состояние не только отдельных индивидуумов, но также социальных групп и общества в целом. Целью проведенного исследования явился анализ имеющейся литературы по этому вопросу, ориентированный на составление и подробное обоснование не только концептуального, но и терминологического базиса информационной психиатрии как составной части социальной психиатрии. В качестве базовых представлены следующие термины: психическое здоровье общества, психическая норма социума, стрессоустойчивость общества, массовая уязвимость, anomia, массовая психическая эпидемия, массовый психоз, индуцированный психоз. Предлагаемый тезаурус информационной психиатрии направлен на унификацию представлений различных исследовательских коллективов о границах и содержательной стороне этого нового направления психиатрии.

Ключевые слова: информационная психиатрия, социальная психиатрия, психическое здоровье общества, психическая норма социума, стрессоустойчивость общества, массовая уязвимость, anomia, массовая психическая эпидемия, массовый психоз, индуцированный психоз.

ВВЕДЕНИЕ

Цифровизация является сегодня одним из наиболее перспективных направлений трансформации системы здравоохранения, в том числе и в области психического здоровья. Именно она формирует новую социальную реальность, которая начинает учитываться в нормативных документах, включающих переход к «цифровым двойникам», позволяющим создать единую экосистему, стоящую на страже здоровья человека [1].

Согласно этому направлению, использование компьютеризированных программ, геймификации, возможностей виртуальной реальности и мобильных приложений должно стать значимой составляющей в системе оказания медицинской помощи в сфере психического здоровья. Предполагается, в частности, создание гибридных моделей, в контексте которых у пациента появится возможность выбора для себя индивидуализированной программы с оптимальным соотношением между цифровым и классическим вариантами лечения.

Цифровые технологии предоставляют возможность существенно улучшить сбор материала для научных исследований в области психического здоровья. Удалённый доступ позволяет привлечь к участию пациентов из разных регионов, проводить измерения в привычных средовых условиях. Данные, фиксируемые и накапливаемые при помощи цифровых ассистентов, дают новые реальности для изучения психических расстройств и возможностей их профилактики. Анализом и разработкой цифровых подходов к лечению психических расстройств занимается особая отрасль психиатрического знания, именуемая цифровой психиатрией (digital psychiatry) [2].

Вместе с тем налицо коллизия между теми полезными свойствами, которыми обладают интернет и иные цифровые технологии в деле врачебной помощи психически больным, и теми опасностями для индивидуального и общественного психического здоровья, которые создаёт всеохватная электронно-сетевая реальность.

С одной стороны, инновационные цифровые технологии открывают беспрецедентные возможности для терапии, реабилитации и даже расширения нормативных возможностей человека, способствуя укреплению правовой свободы, а также полимодальности оценок и высказываний. Так, интернет позволяет в медицински корректном русле освещать те события и вопросы, которые ранее были скрыты от общественности, привлекать мнения экспертов из разных областей, объединять усилия социально ориентированных групп и т.д. Перспективными выглядят тренинги, расширяющие социальные навыки и компетенции в безопасной виртуальной среде. Например, когда создаваемый пациентом, при ассистировании специалиста, виртуальный аватар становится субъектом проекции и объектом интроспекции метакогниций пациента о вербальных галлюцинациях, демонстрируя при этом высокую терапевтическую эффективность [3]. Применение систем на основе искусственного интеллекта (СИИ) в здравоохранении является одним из перспективных решений для улучшения доступа граждан к современным медицинским технологиям, профилактики нарушений психического здоровья, в том числе стресс-ассоциированных и психосоматических заболеваний, а также для ранней диагностики и коррекции психических нарушений и факторов риска их развития. Это породило социально-когнитивную концепцию цифровой социализации [4] и уже упомянутую выше отрасль цифровой (дигитальной) психиатрии [2, 5, 6, 7, 8, 9].

Однако, с другой стороны, цифровая реальность не только создаёт новые возможности для более эффективного лечения психических расстройств, но порождает ранее не известные формы стресса и образует многочисленные риски для психического здоровья как индивидуумов, так и общества в целом. Среди указанных рисков называются следующие: формирование цифровой зависимости, варьирующейся в разных странах от 5% до 25% от общего числа населения и достигающей 31% в коллективистских обществах [10]; уход от решения проблем реального мира [11]; кибербуллинг [12], снижающий способность, особенно подростков, к эмоциональной саморегуляции, принятию взвешенных решений и совладанию со стрессом [13, 14] и т.д. Психопатологические последствия воздействия деструктивной информации на психику человека проявляются преимущественно в виде эмоционального стресса, нарушений поведения (аддиктивных, девиантных и делинквентных) [5], пограничных психических расстройств и субпсихотических состояний [7, 8].

В настоящее время проблема воздействия интернета, социальных сетей и цифровых технологий на психику человека вышла на качественно новый

уровень. В связи с этим в недрах социальной психиатрии возникло новое направление – информационная психиатрия (cyber psychiatry), изучающая влияние цифровых и электронно-сетевых факторов на психическое состояние не только отдельных индивидуумов, но также социальных групп и общества в целом [15, 16]. Информационная психиатрия по отношению к цифровой психиатрии (digital psychiatry, e-psychiatry, telepsychiatry) оказывается близкой, но не тождественной отраслью психиатрического знания. Согласно уже возникшей в науке традиции, отражённой в современной литературе [17], под киберпсихиатрией (информационной психиатрией) понимается отрасль социальной психиатрии, исследующая негативное воздействие интернета и цифровых технологий на психическое здоровье человека.

В связи с этим предлагается расширить содержание понятия «информационная психиатрия», сделав объектом её внимания негативное влияние интернета и иных цифровых технологий на психическое здоровье не только индивида, но также социальных структур и общества в целом [7, 8]. Необходимость именно такого понимания информационной психиатрии обусловлена тем, что, как отмечают некоторые авторы, электронные СМИ, интернет, телевидение, онлайн-кинотеатры, социальные сети и мессенджеры тиражируют контент, содержащий сцены различного рода насилия и иных противоправных действий, а также пошлость, непристойность, вульгарность, оскорбления и другие информационные потоки, торпедирующие общественную мораль и деформирующие человеческие отношения. Это формирует предпосылки для утверждения в социуме состояния перманентной аномии, т. е. институциональной хаотизации системы отношений между отдельными людьми и социальными группами, начиная от семьи (посредством инвазии ложных смыслов и подмены культурных ценностей) [18] и завершая обществом в целом.

ЦЕЛЬ

Анализ имеющейся литературы по данному вопросу, ориентированный на составление и подробное обоснование не только концептуального, но и терминологического базиса информационной психиатрии как составной части социальной психиатрии.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Напомним, что, как подчеркивает австрийский исследователь Ганс Штроцка [19], социальная психиатрия берёт своё начало в 1838 г., когда вышел в свет знаменитый учебник французского психиатра Жан-Этьена Эскироля [20] по душевным заболеваниям, впервые затронувший тему о влиянии социальных условий на возникновение психических расстройств.

В конце XIX в. французский психиатр Бенедикт Огюстен Морель [21] установил наличие взаимосвязей между психической патологией и такими социальными явлениями, как урбанизация и развитие промышленности. Во второй половине XX в. важным фактором дальнейшего становления социальной психиатрии стало появление «общинной психиатрии» [22]. Мощным импульсом, подстегнувшим развитие социальной психиатрии, стал фактор эволюции массового сознания (включая его аномийные проявления), резко актуализировавшийся после появления в XX в. электронных средств массовой информации. Этот фактор усиливался по нарастающей и достиг кульминации в начале XXI в. в связи с наступлением эпохи интернета. Данное обстоятельство и послужило основой для обособления информационной психиатрии как самостоятельной отрасли социально-психиатрического знания, основанной на принципах междисциплинарности и находящейся на стыке психиатрии, психологии и информационных наук, а также смежных гуманитарных дисциплин: истории, социологии, политологии [15, 16].

Феноменологические аспекты информационной психиатрии

Медицинско-психологической основой для изучения влияния информационного потока на индивидуума и социум является феномен внушаемости человека. Последняя рассматривается как имманентно присущее человеку качество психики, по-разному выраженное у отдельных индивидов и уменьшающееся, а также видоизменяющееся (но не исчезающее полностью) по мере взросления человека, его автономизации, а также под воздействием общества, в котором он живет [23, 24].

Внушаемость – как индивидуальная, так и массовая – характеризуется двумя основными параметрами: 1) степенью субъективной готовности человека/общества подвергнуться и подчиниться внушающему воздействию и/или готовности изменить поведение не на основании рациональных, логических доводов, а по одному лишь требованию или предложению, исходящему от другого лица или группы лиц; 2) степенью объективной зависимости и уязвимости психики человека/общества от количественных и качественных особенностей информационной среды, в которой он/она существует и которая влияет на его психическое здоровье. Внушаемость является базовой средой для формирования таких присущих человеку психологических свойств, как внушение, самовнушение и взаимовнушение.

Внушение как мощное средство влияния на психику было известно ещё в древние времена. Однако, в силу исторической ограниченности человеческого познания, на протяжении многих веков оно не могло стать объектом научного позна-

ния. Наиболее фундаментальное изучение данного феномена прослеживается в работах В.М. Бехтерева: «Внушение, понимаемое в широком смысле слова, является одним из способов воздействия одного лица на другое даже при обыденных условиях жизни. Ввиду этого внушение служит важным фактором нашей общественной жизни и должно быть предметом изучения не одних только врачей, но и всех вообще лиц, изучающих условия общественной жизни и законы её проявления. Здесь во всяком случае открывается одна из важных страниц общественной психологии, которая представляет собою обширное и мало ещё разработанное поле научных исследований» [23, с. 2-3].

Эффект внушения возникает и входит в сферу сознания, по Бехтереву, «через психические контакты (*contagium psychicum*)» «в состоянии рассеянности», когда «волевое внимание поглощено какой-то работой», в результате чего осуществляется «вторжение в сознание <...> посторонней идеи без прямого непосредственного участия в этом акте “Я” субъекта» [23, с. 18-19]. Как отмечает И.П. Кавинова: «...убеждение рождается в человеке на основе рации, а внушение в форме навязчивой идеи – вне контроля со стороны личности, хотя и производит в ней радикальный, подчас тотальный переворот» [25, с. 4]. Если убеждение сопровождается неизбежной критикой, в той или иной степени проявляющейся со стороны убеждаемого, то внушение, как образно выразился Бехтерев, входит в сознание человека «не с парадного входа, а как бы с заднего крыльца, минуя сторожа – критику» [23, с.18]. Важная деталь: внушение невозможно при отсутствии семантического (смыслового) содержания сообщения. Например, человеку нельзя что-либо внушить на незнакомом ему языке. «Отсюда очевидно, что внушение является тем социальным фактором, который играет немаловажную роль не только в жизни каждого отдельного лица и в его воспитании, но и в жизни целых народов» [23, с. 142-143].

Самовнушение – перетекание внушения внутрь психики, его интериоризация, осуществляемая за границами критически оцениваемого «Я» [23, с. 32, 40]. При этом состояния самовнушения «не требуют посторонних воздействий, возникают обычно непосредственно в психической сфере, когда, например, то или другое представление проникло в сознание как нечто готовое, в форме внезапно явившейся и поразившей сознание мысли, в форме того или иного сновидения, в форме виденного примера и т. п. Во всех этих случаях психические воздействия, возникающие помимо постороннего вмешательства, прививаются к психической сфере также непосредственно в обход критикующего и самосознающего “Я” или того, что мы называем личным сознанием» [23, с. 21].

Взаимовнушение – социальное явление, характеризующееся взаимовлиянием индивидуумов, которое «сплачивает отдельных членов... в одно целое, в одну личность, живущую одной мыслью, произносящей одни и те же возгласы, исполняющей одинаковые по существу жесты и телодвижения» [23, с. 112-113]. «Благодаря этому взаимовнушению, отдельные лица как бы наэлектризовываются, и те чувства, которые испытывают отдельные лица, нарастают до необычайной степени напряжения, делая толпу существом могучим, сила которого растёт вместе с возвышением чувств отдельных её членов» [23, с.133].

Изучение социального поведения человека в толпе стало особенно актуальным после публикации в середине 1890-х гг. резонансных книг французского социолога и социального психолога Гюстава Лебона, посвящённых психологии народов и толпы [26]. Суть концепции Лебона сводится к тому, что у толпы, в отличие от отдельных личностей, возникает особое «коллективное бессознательное». Именно оно заставляет людей действовать порой очень эмоционально и непредсказуемо, выходя за рамки индивидуальных нравственных или логических установок.

Практически все учёные, исследовавшие феномен психологии и психопатологии толпы (в том числе современные авторы¹), консолидировано выражали единую позицию том, что именно в толпе люди максимально легко «заражаются» идеями и эмоциональными состояниями без критического анализа и самоконтроля. В результате противоречивые представления, взгляды, идеи или верования, внушённые человеку в толпе (которые могут быть как утверждением, так и отрицанием чего-либо), становятся сакральными, и в дальнейшем «люди толпы» относятся к ним как к абсолютным и трансцендентным истинам. Вызванное «эффектом толпы» представление становится ядром для дальнейшей кристаллизации, заполняющей всю

область разума и парализующей рационально-критические способности многих людей.

Внешне создаётся впечатление, что существует некий универсальный механизм поведения «человека толпы», который Бехтерев описывал в 1921 г. следующим образом: «В толпе индивид утрачивает <...> значительную долю критики, при ослаблении нравственных начал, при повышенной впечатлительности и поразительной внушаемости» [27, с. 76].

В опубликованной в 1908 г. работе «Внушение и его роль в общественной жизни», посвященной сущности внушения и механизмам психических эпидемий, Бехтерев обратил внимание на тот факт, что идеологизированная толпа качественно отличается от просто толпы: «...социальная толпа, объединённая одной общей идеей, <... [представляет]...> существенное различие от толпы стадного характера, или простого сборища лиц, составленной [так в оригинале, – авт.] из случайных элементов, руководимой [так в оригинале, – авт.] грубыми эгоистическими инстинктами» [28, с. 16].

Однако, сформулировав сказанное, учёный подчеркнул, что в случае деструктивности господствующих идей идеологизированная толпа порождает, метафорически выражаясь, «психическую инфекцию», «микробы которой хоть и не видимы под микроскопом, но тем не менее, подобно настоящим физическим микробам, действуют везде и всюду и передаются через слова, жесты и движения окружающих лиц, через книги, газеты и пр., словом, где бы мы ни находились в окружающем нас обществе, мы подвергаемся действию психических микробов и, следовательно, находимся в опасности быть психически заражёнными» [27, с. 5-6]. Эта «психическая зараза» «проникает в [идеологизированные] умы ещё более прочно, чем инфекция, развившаяся в [обычной, идейно не объединённой] толпе». «Как в биологической жизни отдельных лиц и целых обществ в зависимости от тех или других благоприятных условий играет известную роль микроб физической, будучи, благодаря своей индивидуальной организации и биологическим свойствам, то фактором полезным, то вредным и смертельным, уносящим тысячи жертв, так и психический микроб, или внушение, в зависимости от своего внутреннего содержания, может быть фактором в высшей степени полезным или же вредным и губительным» [23, с. 143]. Аналогично этому, «инфекция, овладевшая [идейно сплочённой] публикой», хотя и не приводит «к столь необдуманному движению, на какие способна [неидеологизированная] толпа, но всё же и здесь инфекция действует часто вопреки здравому смыслу, причём готовые взгляды легко принимаются на веру, и часто подготавливаются незрелые решения» [28, с. 109].

¹ «Необходимо отметить, что любая толпа характеризуется общностью эмоционального состояния и спонтанно возникающей направленностью поведения; нарастающим самоподкрепляющимся психическим заражением – распространением повышенного эмоционального состояния от одного индивида к другому на психофизиологическом уровне контакта. Отсутствие ясных целей и организационная диффузность толпы может превратить её в объект манипуляций или в инструмент давления и противоправных действий» [Подлинная О.Л. Психология толпы и специфика её разновидностей. Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017;2(81):124-130]; «Человек, подчиняющийся законам толпы, теряет свою личностную индивидуальность, становится её конформным участником и способен на любые действия и поступки» [Гаджалиева З.С., Шуруха Т.А. Психология толпы. Мировая наука. 2018; 5 (14): 196-197].

В современном научно-медицинском языке «психическая инфекция/зараза» и «психические микробы», о которых пишет В. М. Бехтерев, близки к таким понятиям как пусковой стимул, триггер, базовая единица аффекта.

В прежние столетия, даже в эпоху радио и телевидения, в силу меньших, по сравнению с эпохой интернета, скорости и глобальности информационного потока, проявления психических и психопатологических эпидемий имели, хотя и обширный, но более ограниченный, чем в настоящее время, ареал распространения. В постинформационную эпоху, особенно после появления глобальной Сети, феномен суггестивно-иррационализирующего воздействия толпы на сознание человека получил развёрнутое научное описание, поясняющее тот факт, что современные люди, особенно в своих массовых проявлениях, – не менее иррациональны, чем их традиционалистские и «пралогические» предки (которые были по-своему рациональны, в рамках бытующих представлений о детерминационных связях): «...современный мир – вместо того, чтобы “расколдоваться” и стать индивидуализированно рациональным и прагматичным, как на это рассчитывал в начале прошлого столетия социолог и историк Макс Вебер, – оказывается до известной степени обречён «жить мифами», как и любой архаичный социум. С той лишь разницей, что люди древности, будучи погружёнными в информационное пространство мифа, не заявляли о своей приверженности принципам рационализма» [15, с. 22-23]. За истекшие более 100 лет, особенно в постинформационную эпоху, негативное влияние информационного потока на развитие различных социально-психопатологических девиаций не только не исчезло, но приобрело константный характер, превратившись в своего рода «патологический вариант нормы» [29, 30, 31].

Влияние информационной среды на отдельно человека

Изучение социальными психиатрами влияния информационной среды на отдельного индивида касается роли указанного воздействия в формировании психического расстройства. Конкретно изучаются факторы: 1) информационной перегрузки (хронический поток новостей, уведомлений, контента), 2) информационного стресса (неопределённость и тревога, обусловленные большим потоком негативных новостей), 3) информационной зависимости (интернет-зависимость, соцсети, онлайн-игры, зависимость от новостей). Термин «зависимость» (addiction) был заимствован социальными психиатрами из общего лексикона психиатрии для облегчения идентификации проблемы воздействия интернета на человеческую психику путём ассоциации деструктивных последствий данного воздействия с характерными психическими патологиями.

Интернет-зависимость – обобщающий термин, обозначающий большое количество отклонений поведения и снижения либо утраты человеком контроля над влечениями [32].

Эксперт по расстройствам интернет-зависимости Кимберли Янг выделила 5 основных типов, которые, сопрягаясь с социальной изоляцией, увеличивающейся депрессией, распадом семьи, неудачами в учёбе, финансовым неблагополучием и потерей работы, обозначаются следующим образом: 1) cyber sexual addiction (киберсексуальная зависимость) – непреодолимое влечение к посещению порнографических сайтов в интернете и занятию киберсексом, т. е. обсуждением сексуальной тематики (включая дистанционную имитацию реального секса) в чатах или закрытых группах «для взрослых»; 2) cyber-relational addiction (киберкоммуникативная зависимость) – пристрастие к виртуальным знакомствам (избыточность знакомых и друзей в Сети) и зависимость от общения в социальных сетях, форумах, чатах, групповых играх и телеконференциях, что в итоге может привести к замене имеющихся в реальной жизни членов семьи и друзей – виртуальными; 3) net compulsions (навязчивая потребность в Сети) – патологическая привязанность к опосредованному интернетом онлайн-азартным играм, онлайн-аукционам или электронным покупкам; 4) information overload (информационная перегрузка, навязчивый web-сёрфинг) – компульсивная навигация в Сети: бесконечное путешествие по интернет-ресурсам, компульсивный поиск информации в поисковых сайтах и удалённых базах данных; 5) computer addiction (компьютерная зависимость) – обсессивное пристрастие к работе с компьютером, в частности к программированию или другим видам деятельности, в том числе навязчивая игра в компьютерные «стрелялки» (Doom, Quake, Unreal Old Blood и др.), стратегии типа StarCraft, WarCraft, квесты.

В последние годы тема негативного воздействия интернета и цифровых технологий на психику индивидуума получила развитие в многочисленных опубликованных работах как зарубежных, так и отечественных исследователей [5, 7, 8, 10, 11, 12, 13, 14]².

² Имеются указания на нейрокогнитивные изменения у активных пользователей цифровых технологий [Firth J., Torous J., Stubbs B., et al. The “online brain”: how the Internet may be changing our cognition. *World Psychiatry*, 2019; 18 (2): 119-129], их негативное влияние на внимание, импульсивность и рабочую память [Wilmer H.H., Sherman L.E., Chein J.M. Smartphones and cognition: A review of research exploring the links. *Frontiers in Psychology*, 2017; 8. Art. 605] и психологическое искажение восприятия индивидуумом реальности [Sunstein C.R. *Republic: Divided Democracy in the Age of Social Media*. Princeton: Princeton University Press, 2017. 296 p.]

Влияние информационной среды на общество в целом

Социально-психологической основой изучения влияния информационной среды на общество в целом (массового внушения, информационных манипуляций и т.д.) является феномен коллективного (общего) сознания, описанный одним из основоположников социологии Эмилем Дюркгеймом [33], указавшим на определяющую роль данного феномена в интеграции общества и формировании его «психического типа»: «Совокупность верований и чувств, общих, в среднем, членам одного и того же общества, образует определённую систему, имеющую свою собственную жизнь; её можно назвать коллективным, или общим сознанием. Несомненно, оно не имеет в качестве субстрата единственный орган; оно, по определению, рассеяно во всём пространстве общества. Но, тем не менее, оно имеет специфические черты, создающие из него особую реальность. <...>. Оно – психический тип общества, подобно индивидуальным типам, хотя и в другой форме, имеющий свой способ развития, свои свойства, свои условия существования. Оно имеет поэтому право быть обозначенным специальным термином» [33, с.80].

Во всех случаях феномен массового внушения и информационных манипуляций, формирующих и патологически деформирующих коллективное/массовое сознание, заключается в сознательном воздействии на толпу условного источника информационного влияния. Таким источником могут быть формальные или неформальные лидеры; референтные для толпы индивиды, излагающие свои более или менее смутные воспоминания либо просто сознательные или неосознанные фантазии; институционализированная пропаганда – в том числе через медиа, слухи, мнение авторитетных лидеров и т.д. Ещё В.М. Бехтерев отмечал особое воздействие на психику человека и социума слова, включая его разновидности, зашифрованные в зрительных образах. В качестве примеров приводились газетная информация, журнальная реклама, немой синемаграф и т.д. [25, с.6].

Как нетрудно понять, данное положение вещей чревато угрозой узурпации контроля над социумом и международной жизнью в целом узкой группой акторов, способных, в силу своей недостаточной компетентности либо деструктивной мотивации, резко нарушать баланс – социальный, политический, военный, экономический, экологический и т.д. и подталкивать человечество к принятию решений, угрожающих его жизни и благополучию. Возрастающая эффективность этого деструктивного феномена обусловлена тем, что в современном мире, в первую очередь под влиянием интернета [34, с. 179-274], происходит постепенное отдаление социума от идеалов рациона-

лизма и правозащиты, призванных утвердить свободу индивидуума как разумного и ответственного существа. Традиционно эти идеалы связывались с общей идеей прогресса, но в последнее время под влиянием интернета прогресс стал фактором, подавляющим правовую свободу и компетентную рациональность³.

Идеалы правового и рационально аргументированного прогресса всё более очевидно вытесняются доктринёрским консерватизмом, архаичными суевериями и предрассудками, разнообразными неототалитарными прогрессистскими практиками, базирующимися на идее абсолютной безопасности как ключевой ценности [34]. И доктринёрский консерватизм, и неототалитарный прогрессизм перерастают в «массовую паранойю» (психическую эпидемию), основанную прежде всего на страхе перед свободой, которая все чаще интерпретируется как тревожная «неизвестность» и «нестабильность». Кроме того, информационные акторы (действующие субъекты) зачастую сознательно искажают происходящее либо тенденциозно отображают реальность⁴.

В этом случае информационный поток оказывается направлен на то, чтобы медиа и сети «информационно заражали» большие группы людей и формировали у них через электронные СМИ и сетевые платформы (TikTok, Телеграм, новостные порталы и т.д.), общие убеждения, базовые эмоции и поведение.

³ Тульчинский Г.Л. Гуманитарии, прогресс – и печальный конец истории? Город 812. 10.09.2025; Коцюбинский А.П. Прогресс глазами психиатра. Город 812. 08.09.2025; Коцюбинский Д.А. Размышление о деструктивности прогресса в условиях умственного паралича гуманиитариев. Город 812. 07.09.2025; Жуков К.С. Информационный прогресс утопил штучных интеллектуалов в массу сетевой банальности. Город 812. 11.09.2025; Заостровцев А.П. Социальное государство «съело» прогресс. Город 812. 08.09.2025.

⁴ Гаврилов А.А. Средства воздействия СМИ на общественное сознание в условиях информационного общества. Молодой учёный. 2012; 8: 152-155 [Электронный ресурс]: «В большинстве своём СМИ – проекты коммерческие, следовательно, они стараются максимизировать свою прибыль (в том числе от размещения рекламы). <...> С другой стороны, манипулятором может выступать власть, при этом через СМИ органы власти стараются «навязать» обществу, массам определенные смыслы, побудить к действию, повысить свою авторитетность или, напротив, снизить политический вес своих оппонентов»; «Прежде всего, необходимо рассмотреть целенаправленное преобразование коммуникативно-содержательной стороны информации – оно связано с созданием лжесобытий, искажением, утаиванием информации, манипулированием со временем и местом её подачи»; «<...> в условиях информационного общества человек подвержен одновременному влиянию печатных и электронных СМИ, радио и телевидения – своего рода манипулированию».

Тот факт, что негативное информационное влияние приводит к ухудшению психического здоровья общества, вынуждены подтверждать сами владельцы сетевых мега-платформ⁵.

Помимо уже цитированных выше современных академических медицинских исследований [15, 16], в том числе обобщающих работ, касающихся феномена психопатологического воздействия интернета и цифровых технологий на общество в целом, опубликовано недостаточно [25, 30, 31].

Всё вышесказанное делает неизбежным и необходимым содержательное определение терминологии, относящейся к области информационной психиатрии как науки, изучающей психопатологическое воздействие информационного пространства, в первую очередь электронно-сетевого, на отдельных индивидуумов, социальные группы и общество в целом.

Базовые понятия информационной психиатрии Психическое здоровье общества

Это состояние массовой психики, обусловленное «адаптивной функцией социальной системы» (AGIL⁶) [35]. Отражает степень устойчивости указанной системы, её регуляции и адаптивности в условиях внутренних и внешних стрессоров. Включает в себя следующие элементы: 1) чувство общественной исторической преемственности (сохранение культурных рамок конкретного общества); 2) социальную ответственность большинства (способность общества удерживать долгосрочные цели); 3) поведенческую предсказуемость (отсутствие массовых импульсивных вспышек, управляемость поведения в кризисных сценариях); 4) способность предотвращать распространение аномии, а также психических и психопатических (психопатологических) эпидемий [15, 16, 30, 31, 36, 37, 38].

Основоположниками дискурса о психическом здоровье общества явились психиатры и социологи, обратившие внимание на феномен массовой психологии, массового сознания и их девиаций/патологий: С. Сигеле (коллективная психология преступной толпы) [39]; Г. Лебон (психология народа, психология толпы) [26], Э. Дюркгейм (коллективное сознание, аномия) [33], В. М. Бехте-

рев (психические и психопатические эпидемии) [23, 28] и З. Фрейд (массовая психология) [40].

Диагностика психического здоровья общества осуществляется через анализ параметров в следующих сферах: 1) аффективная сфера – способность общественной психики сохранять аффективное равновесие, удерживать эмоциональный баланс и избегать массовых состояний тревоги, паники, апатии или агрессии; 2) когнитивная сфера – способность общественной психики поддерживать когнитивную согласованность общих социальных смыслов и ориентиров, разделяемых символов, ценностей, коллективных норм; 3) институциональная сфера – доступность для общественной психики психологической помощи, обеспечиваемой следующими факторами: эффективной работой механизмов профилактики и мониторинга; связью медицины, образования, медиа и социальной политики; низким уровнем стигмы в отношении психических нарушений; 4) коммуникативная сфера – сохранение общественной психикой коммуникативной устойчивости: социального диалога, эффективных каналов коммуникации, доверия к институтам, минимизации информационного стресса и информационных перегрузок, устойчивости к манипуляции и фейковым воздействиям; 5) социальная сфера – обеспечение социальных механизмов адаптации и резильентности общественной психики – её способности адаптироваться к кризисам, сохранять непрерывность социальной жизни, реагировать на стрессоры без разрушения базовых структур и с подключением механизма самоорганизации и перестройки при кризисах, быстрых переменах и информационных перегрузках.

Психическая норма конкретного социума (базовый параметр психического здоровья общества)

Основана на постулируемых общественных ценностях, культурных традициях, моральных стандартах и законах, социально одобряемых ясных представлениях людей о приемлемом, конструктивно функциональном и безопасном для окружающих поведении большинства индивидуумов и общества в целом [15, 16, 27, 30, 31, 41]. Психическая норма социума во многом зависит от двух взаимосвязанных факторов: стрессоустойчивости общества и его психосоциальной уязвимости.

Стрессоустойчивость общества (социальная резистентность, устойчивость социальной системы)

Способность общества сохранять устойчивость к стрессу за счёт социальной сплочённости; доверия к общественным институтам; гибкости, а не жёсткости, представлений о норме; наличия экономических (обеспечивающих социально приемлемый уровень жизни большинства индивидов), информационных (защищающих от паники, слухов, манипуляций и массового внушения) и медицинских (нацеленных на персоналогическую по-

⁵ Reuters: Meta [компания Meta признана экстремистской и запрещена в РФ] скрывала влияние Facebook и Instagram на психическое здоровье. Ведомости. 23.11.2025.

⁶ Парадигма AGIL – социологическая схема, разработанная американским социологом Талкоттом Парсонсом для анализа функционирования социальных систем. Аббревиатура AGIL означает адаптацию (A – Adaptation), целестремление (G – Goal attainment), интеграцию (I – Integration) и латентность (L – Latency) – четыре функциональные императива, которые, по Парсонсу, необходимы для любой социальной системы, чтобы поддерживать стабильность и продолжать существование.

мощь человеку, находящемуся в ситуации стресса) инфраструктур, совокупно помогающих людям и социуму в целом выдерживать внешние и внутренние стрессоры и адаптироваться к изменениям, сохраняя при этом функциональность [35, 37, 38, 42]. В результате общество сохраняет социальный порядок, адаптируется к новым условиям, характеризуется низким уровнем проявлений у людей девиантного и делинквентного поведения.

Психосоциальная уязвимость общества

Массовая уязвимость – *risk society* [42], *social vulnerability* [36]. Степень подверженности группы людей негативным социальным факторам, приводящим к социальной патологии, которые сами представители этой группы не могут контролировать или компенсировать в силу имеющихся ограниченных возможностей для защиты своих интересов. Среди факторов психосоциальной уязвимости выделяются следующие: зависимость от внешних условий (экономических, политических, культурных); недостаток ресурсов (денег, образования, связей, статуса); повышенный риск стать жертвой (кризиса, дискриминации, бюрократии, бедности, насилия). В силу своей социальной недостаточности – ограниченных возможностей для защиты своих интересов – представители данной группы не могут контролировать или компенсировать воздействие данных деструктивных факторов на свою психику. К числу наиболее подверженных указанному воздействию относятся малообеспеченные, безработные, мигранты, люди с инвалидностью, пожилые, дети без поддержки, одинокие матери, люди с низким уровнем образования, жертвы социальных конфликтов, а также люди, ressentimentно переживающие коллективную психическую травму (внешнее насилие, завоевание, реальное или мнимое унижение и т.д.) [15, 16, 26, 27, 30, 31, 38]. Однако в ситуации повышенной социально-психологической турбулентности психологически уязвимыми могут оказаться и иные социальные слои, в том числе представители общественной элиты, что, в свою очередь, делает социально уязвимым общество в целом [30, с. 10]⁷.

Всё вышеперечисленное представляет собой комплекс вызовов, адресованных способности современного человека и современного социума к успешной психологической адаптации, реализующейся (либо не реализующейся) в общественном пространстве в форме конструктивных (либо деструктивных – таких как паника, аномийный разгул криминала, гражданские столкновения и даже войны) моделей массового поведения.

Аномия

Нарушение нормативной системы общества. Данный феномен выделен Эмилем Дюркгеймом [33] как фактор, возникающий в переходные периоды общественного развития [43] и снижающий стрессоустойчивость общества. Как отмечал автор, старые социальные связи в эти моменты истории рушатся (размываются или исчезают) и обслуживавшие их нормы и ценности перестают действовать, а новые моральные традиции, адекватные возникшим реалиям, ещё не появляются или не являются установившимися, в результате чего исчезает интегративная солидарность между различными социальными «органами»: «...отношения [социальных, – авт.] органов не регламентированы, потому что они находятся в состоянии аномии»; «Но откуда берётся это состояние? <...> состояние аномии невозможно повсюду, где солидарные органы <...> имеют <...> живое и непрерывное осознание своей взаимной зависимости. <...> Но если, наоборот, между ними находится какая-нибудь непрозрачная середина, то только раздражения известной интенсивности могут сообщаться от одного органа к другому. Сношения, будучи редкими, не повторяются настолько часто, чтобы определиться; с каждым разом начинаются новые пробы. <...> Если же какие-нибудь правила всё-таки установятся, то они будут общего характера и неясны, ибо при этих [порождающих аномию, – авт.] условиях могут определиться только самые общие контуры явлений» [33, с. 342-343].

Эпоха постинформационного общества, возникшего в конце XX в. и достигшего пика развития в период глобального и тотального распространения мультимедийных средств массовых коммуникаций, связана с информационно-коммуникационными технологиями. По ряду представлений, всё это ведёт к радикальным преобразованиям в образе жизни людей и в силу перенасыщенности информацией создаёт в массовом сознании особенно благоприятную среду для развития аномийных тенденций. В итоге общество, не успевая выработать новые правила, как будто находится в ситуации «текущей современности» [36], т. е. «в подвешенном состоянии», и оказывается в состоянии полной дезориентации. Люди при этом теряют чувство групповой принадлежности и понимание того, как «правильно» жить, не знают, чего общество хочет от них. К тому же переизбыток массовой информации и идейное содержание многовекторных источников, значительная часть которых представляет собой, по терминологии Жана Бодрийяра, симулякры (т. е. информационные пустышки) [44, с. 22-24], дополнительно и непрерывно колеблет, деформирует и деконструирует социальные нормы и ценности, фактически не давая им возможности прочно закрепиться в коллективном сознании общества.

⁷ «Образно говоря, продолжительный коллективный сон концептуально-теоретического разума психиатров стал сопровождаться рождением в обществе разного рода психопатологических чудовищ».

Аномийная пролиферация повышает общественную нестабильность, порождая под влиянием различных детерминант (экономический кризис, политическая нестабильность, резкие социальные изменения, социальные протесты, обесценивание норм, геополитическая напряженность, войны, нелегитимное неравенство, высокий уровень стресса и неопределённости, информационный хаос, революционная смена социальной парадигмы и т.д.) хроническую тревожность и депрессивность общества. Кроме того, данный неврозогенный фактор способствует радикализации социума, развитию в нём массового равнодушия по типу «эмоционального выгорания», всплески агрессии и насилия, паники, социальных фобий (страх чужих, страх перемен, страх катастроф и т.д.). В результате происходит нарушение нормального функционирования социального «организма», который начинает «болеть», аналогично тому, как психопатология у индивида нарушает его психическое здоровье. Эта болезненность проявляется в формировании устойчивых массовых девиантных и иных саморазрушающих форм поведения (преступность, наркомания, алкоголизация, проституция, агрессивные субкультуры, массовый вандализм, суициды, погромы, аномийные бунты, рост милитаристских настроений и т. д.).

Аномийное состояние социума делает наиболее возможным и одновременно наиболее вирулентным эффект манипулятивного воздействия толпы на психику (сознание и подсознание) человека – с признанием норм толпы. Осмысляя эффект эмоционального заражения, можно, вслед за В.М. Бехтеревым, как отмечает И.П. Кавинова, – рассматривать его как «эффект внушения, часто перерастающий в самовнушение, а позже во взаимовнушение; эффект заразительности, или импульсивного поведения в толпе (даже при отсутствии самой толпы)» [25]. При этом в фокусе исследовательского внимания оказывается поэтапное и структурированное развитие, помимо хорошо известного психиатрам индуцированного психоза, массовых психических эпидемий и массовых психопатических (психопатологических) эпидемий [30, 31].

Индуцированный психоз

Нозологическое понятие «индуцированного помешательства» сложилось в первой половине XX в. благодаря изучению этого явления С.С. Корсаковым, П.И. Ковалевским и другими российскими, а также зарубежными психиатрами. Индуцированный симбиотический психоз, как правило, касается двух лиц, хотя иногда ему оказываются подвержены большее число индивидов: *folie à trois*, *à quatre*, *à cinq* и т. д. Известен описанный случай, касавшийся целой семьи (*folie à douze*), когда в психотическую орбиту оказались вовлечены сразу 12 человек [45].

Следует, впрочем, подчеркнуть, что в подобных случаях речь идёт об индивидуальном (хотя и множественном) психическом расстройстве, достигающем психотического уровня выраженности. По этой причине механически переносить представление о данном психическом заболевании на социальный уровень было бы принципиально неверным. Феномен индуцированного психоза занимает как бы промежуточное положение между «обычной» и «социальной», в том числе информационной, психиатрией. Типологическое отличие индуцированного психоза как одного из видов клинической психопатологии от массовых психических и психопатологических эпидемий заключается в следующем.

1. Механизмы возникновения индуцированного психоза – внушение (идущее от психически больного к психически здоровым) и самовнушение (психически здорового, поддавшегося внушению со стороны психически больного). В то же время в основе механизма возникновения массовой психической и психопатологической эпидемий лежит прежде всего взаимовнушение.

2. Терапия индуцированного психоза подчиняется общим правилам психиатрии (психофармакология, психотерапия, а также разделение индуктора и реципиента – базовое условие терапии индуцированного психоза, в первую очередь полезное для реципиента); само по себе исчезновение триггера индукции к исцелению индуцированного психически больного не приводит. Вместе с тем для успешно «исцеления» от «массового умопомешательства» достаточно исчезновения источника патологического информационного воздействия на социум; специальной психиатрической работы с каждым индивидуумом в отдельности в подавляющем большинстве случаев не требуется.

Массовая психическая эпидемия

Панические бегства, массовые религиозные экстазы и т.п. Быстро распространяющееся массовое эмоционально-психическое состояние, при котором у находящихся в толпе индивидуумов происходит снижение критичности; они перестают думать рационально и теряют способность оценить ситуацию адекватно реальности. Действуя импульсивно, без каких-либо прямых команд, люди «заражают» друг друга («цепное заражение») эмоциями и поведением так быстро, будто это эпидемия «сверхконтагиозного гриппа», только не телесного, а психического. При этом люди теряют поведенческую автономность, начиная вести себя одинаково и синхронно с окружающими их людьми. Массовые психические эпидемии, как отмечал Бехтерев, не особенно редки. Одним из ярких и особо опасных примеров психической эпидемии, правда, кратковременного свойства, является то, что называется паникой.

Как считал Бехтерев, «эта психическая эпидемия развивается в народных собраниях, когда вследствие тех или других условий к сознанию массы прививается идея о неминуемой смертельной опасности» [23, с. 121-122]. Психическая эпидемия может быть как относительно лёгкой (эйфория, восторг, религиозный экстаз, коллективная экзатическая одержимость фанатическими идеями; различные проявления истерических реакций), так и тяжёлой (массовая паника, когда главенствующим в психическом облике индивидуума становятся страх, хаотичные действия). В этом же контексте Бехтерев рассматривал существующий в обществе феномен религиозной веры, зачастую приобретающей патологические формы «психических эпидемий»: в частности приводились примеры судорожных эпидемий, эпидемий колдовства и бесоодержимости, известные на протяжении многих веков истории [25].

Массовая психопатическая (психопатологическая) эпидемия, или «массовый психоз»

Распространение в социуме психологически деструктивных интенций, основанное на способности людей «передавать» друг другу психопатологическую симптоматику. Под массовым психозом понимается аномальное психическое состояние большой массы людей, при котором эти люди начинают демонстрировать искажённое восприятие реальности; групповое некритичное поведение, иррациональные странные убеждения, крайне эмоциональные реакции, аномальное мышление с добавлением бреподобных идей и т. д. Как правило, массовым психозам предшествует продолжительная и нарастающая социальная фрустрация из-за провала в достижении глобальной цели, приводящая к социальной дезадаптации, когда огромные группы людей живут в хронически усугубляющемся дистрессовом состоянии, порождающем агрессию, апатию, радикализм, милитаризм, насилие, шовинизм и т. д.

Истоки представлений о массовом психозе берут своё начало в конце XIX в. (напомним, что в это время наблюдалась активизация революционных движений в России и на Западе). Именно тогда известные русские психиатры и психологи Т.И. Юдин, А.В. Сикорский, С.А. Суханов при изучении массовых высококонтагиозных явлений («эпидемий душевного характера»), передающихся через контакты в обществе, стали употреблять — поначалу sporadически — термин «индуцированное помешательство». Однако в дальнейшем, после специального рассмотрения феномена психологии толпы В.М. Бехтеревым в работе «Внушение и его роль в общественной жизни», данные состояния стали квалифицироваться как массовые психопатические (психопатологические) эпидемии или «массовые психозы».

В этом исследовании отмечалось, что хотя в возникновении «психопатических эпидемий» «отражаются прежде всего господствующие воззрения народных масс данной эпохи, данного слоя общества или данной местности» [23, с. 36], решающую роль всё же играют не стереотипы общественного сознания как таковые, но целенаправленное внешнее и внутреннее внушение. Зачастую состояние массового психоза является предпосылкой социально-революционных катаклизмов. В частности революции 1917 г. в России предшествовало «умственное помешательство» образованных классов, сфокусировавших внимание на фигуре царского фаворита Г.Е. Распутина, порождавшей в социуме целый ряд воображаемых фобий и агрессивных интенций: «Социальный миф о Распутине отличался спекулятивной систематизированностью и носил выраженные психопатологические формы, включая в себя черты массовой паранойи. Значительная часть образованного класса, начиная с разночинной интеллигенции и заканчивая великими князьями, была иррационально, без наличия веских доказательств убеждена в том, что Распутин — “изувер”, “хлыст”, “половой психопат”, “немецкий шпион”, “глава тёмных сил” и т. д. Ситуация коллективного помешательства интеллектуальной элиты общества, его “мозга”, свидетельствовала о близком коллапсе социально-политической системы в целом и одновременно способствовала ему» [46, с. 226-227].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Актуальность становления информационной психиатрии как самостоятельной области социально-психиатрического знания и разработка её не только методологической, но также терминологической базы обусловлены целым рядом не только медицинских, но и социально значимых обстоятельств.

Во-первых. В современном (в широком смысле, т. е. в XX-XXI вв.) обществе влияние на социум внушения и информационных манипуляций активно использовали и могут продолжать эксплуатировать стремящиеся к управлению массовым сознанием политики-популисты любых направлений (правого, левого, имперско-милитаристского, религиозно-фундаменталистского и т. д.), притом как принадлежащие к властным структурам, так и противостоящие им. Ещё испанский философ-экзистенциалист Х. Ортега-и-Гассет в работе «Восстание масс» (1929-1930) отмечал в этой связи, что «среди представителей нашей эпохи не найдется ни одной группы, которая бы не присваивала себе все права и не отрицала обязанностей. Безразлично, называют ли себя люди революционерами или реакционерами. <...> Человек, играющий реакционера, будет утверждать, что спасение государства и нации освобождает его от всяких

норм и запретов и дает ему право истреблять ближних, в особенности выдающихся личностей. Точно так же ведет себя и “революционер”. Когда он распинается за трудящихся, за угнетённых, за социальную справедливость, это лишь маска, предлог, чтобы избавиться от всех обязанностей – вежливости, правдивости, уважения к старшим и высшим. <...>. Мы видим, как диктатуры заигрывают с людьми массы и льстят им, попирая всё, что выше среднего уровня» [47, с. 179-180]. В XX–XXI вв. пропаганда, управляя информационными потоками, приняла форму массово-манипулятивных практик, связанных в первую очередь с появлением электронных СМИ: радио, затем телевидения, интернета. Электронные мультимедиа, используемые в пропагандистских целях, с одной стороны способствовали усилению «низовых» неототалитарных (запретительно-регулятивных) тенденций в рыночной политике, с другой – умножению и усложнению манипулятивных технологий, направляемых на социум «сверху», со стороны правительств и иных заинтересованных структур [29, 48].

Во-вторых. Сложившиеся кибернетические реалии также следует учитывать в контексте случившегося в начале XXI в. обострения процесса, который Сэмюэл Хантингтон обозначил как «столкновение цивилизаций» [49], таких как западная, православная, исламская, конфуцианская и др., и который сопровождается усилением пропагандистских векторов – как инспирированных правительствами, так и стихийно зарождающихся в самих обществах, цивилизационно и геополитически конфронтирующих друг с другом. Порой даже появляются гипотезы о возникновении феномена особых «ментальных войн» [50], хотя в этих случаях всё же правильнее говорить об очередной разновидности пропаганды, хорошо известной ещё со времён древности⁸.

В-третьих. Количественная «перенасыщенность» и глобальность информационного про-

странства, а также разновекторность его содержательного контента как факторы, снижающие стрессоустойчивость общества и повышающие его психосоциальную уязвимость, являются достаточно удобным условием для успешности пропагандистских усилий в наиболее уязвимых странах. В этих случаях указанные деструктивные факторы представляют собой явление весьма контагиозное, постепенно поражающее другие страны и даже все уголки планеты (в том числе ведущие государства так называемого золотого миллиарда) внутриполитически и международно деструктивными практиками.

В-четвёртых. Дополнительным условием для формирования и расширения негативных тенденций, связанных с всеобщей цифровой трансформацией, алгоритмизацией и излишней технологизацией существования человека в социальной среде, является всеобщая дегуманизация с созданием образа «врага», которой в значительной степени способствует техническая революция последнего столетия. С одной стороны, эта революция принесла невиданные ранее технические возможности для человечества: научно-технические достижения, телевидение, интернет, транспортные средства передвижения, высокотехнологичную медицину и т. д. Однако, с другой стороны, она столь же стремительно и неумолимо низвела субъектную сущность индивида до его объектной ипостаси, включённой во всемирную машинерию: людей успешно заменяют роботы; офлайн вытесняется онлайн, «естественный интеллект» – искусственным; сложные этические и эстетические интересы – упрощённым материальным и духовным потреблением, эмпатия, сочувствие, сострадание и психологические рефлексии в целом ряде профессий, в том числе в медицине, – технологической рациональностью и чисто материальным прагматизмом.

К сожалению, различные формы внушения (включая самовнушение и взаимовнушение), о которых писал ещё В.М. Бехтерев, до настоящего времени так и остаются в полной мере не исследованными. Поразительно, что за прошедшее столетие вера людей в чудо и надежда на сверхъестественное не только не исчезла, но в постинформационно-сетевую эпоху едва ли не обрела «новое дыхание». Как отмечают многие авторы, интернет-эпоха породила самый настоящий неврозогенный и, как следствие, конфликтогенный бум эзотерики, конспирологии, биоэнергетики, телепатии, ясновидения, психокинеза, дилетантской экспертизы вплоть до фактического мракобесия (антивакцинолаторство, не имеющие научного обоснования методы лечения) в самых широких дискурсивных сферах – от медицинско-бытовых и до вселенско-космических [48, 51, 52].

⁸ В Минобороны заявили, что США начали против России ментальную войну: РИА «Новости». 25.03.2021; «Первые признаки пропаганды в близком к современному смыслу специалисты фиксируют еще в «Илиаде» Гомера, а также в стратегемах «Искусства войны» Сунь Цзы. Но первое прямое обозначение этой технологии информационной войны мы встречаем в решении Папы Римского Григория XV (1622 г.), создавшего Конгрегацию пропаганды веры (Congregatio de Propaganda Fide). Конгрегация стала прямым результатом горячей фазы религиозного противостояния между католиками и протестантами, когда понадобились инструменты формирования и поддержания мировоззрения паствы, гораздо более жесткие, чем прозелитизм» [Кочубей М.А., Макстенек М.И. Информационные войны и пропаганда. Ренессанс технологий? АНО «Центр междисциплинарных исследований им. С.П. Курдюмова «Среденский клуб». 30.08.2018].

В результате в современном обществе распространены как не критические, иррациональные верования в традиционный оккультизм, так и не менее иррациональные, близкие к религиозным, верования в современный научный прогресс. Последнее наглядно проявляется в эмоционально предельно взвинченных (в этом плане напоминающих жаркие споры времён первых церковных соборов или религиозных войн) дискуссиях о климатической повестке, вакцинации от ковида, «третьем поле» и прочих сюжетах, где спорящие апеллируют к «объективному знанию», интерпретируемому при этом субъективистски [34].

На решение этих вопросов, касающихся воздействия информационных потоков на психологическое благополучие и психическое здоровье не только индивидуума, но и общества целом, нацелена та область исследований, которая обозначается как «информационная психиатрия» и которой адресован предложенный в настоящей статье терминологический инструментарий. Предлагаемый тезаурус информационной психиатрии направлен на унификацию представлений различных исследовательских коллективов о границах и содержательной стороне этого нового направления психиатрии.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Авторы заявляют об отсутствии явных и потенциальных конфликтов интересов в связи с публикацией данной статьи.

ИСТОЧНИК ФИНАНСИРОВАНИЯ

Работа выполнялась в рамках основного плана НИР ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и неврологии им. В.М. Бехтерева» Минздрава России.

СООТВЕТСТВИЕ ПРИНЦИПАМ ЭТИКИ

Так как исследование выполнено без участия живых людей, биологических материалов человека и носит обзорно-теоретический характер, одобрение локальным этическим комитетом не требуется.

В списке литературы в заключительной части некоторых ссылок есть указание на прижизненное авторизованное издание источников.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

1. Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации здравоохранения: распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 апреля 2024 г. № 959-р. Официальный интернет-портал правовой информации. On approval of the strategic direction in the field of digital transformation of health care: order of the Government of the Russian Federation dated April 17, 2024 No. 959-r. <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202404190016> (дата обращения: 10.07.2025).
2. Незнанов Н.Г., Васильева А.В. Цифровизация в оказании помощи в области психического здоровья. Новые возможности для специалистов и пациентов. Национальное здравоохранение. 2023. Т. 4, № 2. С. 15-24. Neznanov NG, Vasilieva AV. Digitalization in mental health care. New opportunities for specialists and patients. National Health Care (Russia). 2023;4(2):15-24. <https://doi.org/10.47093/2713-069X.2023.4.2.15-24> (in Russian).
3. Craig TK, Rus-Calafell M, Ward T, Leff JP, Huckvale M, Howarth E, Emsley R, Garety PA. AVATAR therapy for auditory verbal hallucinations in people with psychosis: a single-blind, randomized controlled trial. *Lancet Psychiatry*. 2018 Jan;5(1):31-40. [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(17\)30427-3](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(17)30427-3). Epub 2017 Nov 23. Erratum in: *Lancet Psychiatry*. 2018 Jan;5(1):e1. [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(17\)30473-X](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(17)30473-X). PMID: 29175276; PMCID: PMC5746597.
4. Солдатова Г.У., Войскунский А.Е. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2021. Т. 18, № 3. С. 431-450. Soldatova GU, Voiskunsky AE. Social and cognitive concept of digital socialization: a new ecosystem and social evolution of the psyche. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 2021;18(3):431-450. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-3-431-450> (in Russian).
5. Гаспарян А.Ш., Торохова Е.А. Информационный стресс, как фактор девиации людей. Актуальные проблемы социальной и экономической психологии: методология, теория, практика. Сб. науч. статей / под ред. Е.В. Камневой, М.М. Симоновой. М., 2020. Т. 5, вып. 7. С. 58-69. Gasparyan ASH, Torokhova EA. Information stress as a factor in human deviation. Relevant problems of social and economic psychology: methodology, theory, practice. Collection of scientific articles / edited by EV Kamneva, MM Simonova. Moscow, 2020;5(7):58-69 (in Russian).
6. Крамаренко Н. С. Проблемы «цифровой потребности» и информационной перегруженности обучающихся поколения Z. Педагогика. 2020. № 4. С. 37-42. Kramarenko NS. Problems of “digital need” and information overload of students of generation Z. *Pedagogy*. 2020;4:37-42 (in Russian).
7. Фисун А.Я., Шамрей В.К., Гончаренко А.Ю., Овчинников Б.В., Чермянин С.В. Психология и психопатология информационных войн. Военно-медицинский журнал. 2014. Т. 335, № 6. С. 4-12. Fisun AYa, Shamrey VK, Goncharenko AYu, Ovchinnikov BV, Chermnyanin SV. Psychology and psychopathology of information warfare. *Military Medical Journal*. 2014;335(6):4-12 (in Russian).
8. Фисун А.Я., Шамрей В.К., Марченко А.А., Гончаренко А.Ю. Информационная война и психическое здоровье. Военно-медицинский журнал. 2019. Т. 340, № 12. С. 4-15. Fisun AYa, Shamrey VK, Marchenko AA, Goncharenko AYu. Information war and mental health. *Military Medical Journal*. 2019;340(12):4-15. <https://doi.org/10.17816/RMMJ81812> (in Russian).
9. Яшалова Н.Н., Крылова Н.П., Федоренко И.Н. Информационные потребности цифрового общества: проблемы и вызовы. Научно-техническая информация. Серия 1: Организация и методика информационной работы. 2020. № 4. С. 18-22. Yashalova NN, Krylova NP, Fedorenko IN. Information needs of digital society: problems and challenges. *Scientific and technical information. Series 1: Organization and meth-*

- ods of information work. 2020;4:18-22. <https://doi.org/10.36535/0548-0019-2020-04-3> (in Russian).
10. Cheng C, Lau YC, Chan L, Luk JW. Prevalence of social media addiction across 32 nations: Meta-analysis with subgroup analysis of classification schemes and cultural values. *Addict Behav.* 2021 Jun;117:106845. <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2021.106845>. Epub 2021 Jan 26. PMID: 33550200.
 11. Paquin V, Ferrari M, Sekhon H, Rej S. Time to think “meta”: A critical viewpoint on the risks and benefits of virtual worlds for mental health. *JMIR Serious Games.* 2023 Feb 7;11:e43388. <https://doi.org/10.2196/43388>. PMID: 36661284; PMCID: PMC9944144.
 12. Базаров Р.И. Тени интернета: как анонимность влияет на психологическое здоровье подростков. *Вестник практической психологии образования.* 2025. Т. 22, № 3. С. 210-220. Bazarov R.I. Shadows of the Internet: how anonymity affects the psychological health of adolescents. *Bulletin of Practical Psychology of Education.* 2025;22(3):210-220. <https://doi.org/10.17759/bppe.2025220314> (in Russian).
 13. Ahmed O, Walsh EI, Dawel A, Alateeq K, Espinoza Oyarce DA, Cherbuin N. Social media use, mental health and sleep: A systematic review with meta-analyses. *J Affect Disord.* 2024 Dec 15;367:701-712. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2024.08.193>. Epub 2024 Sep 4. PMID: 39242043.
 14. Li JB, Lau JTF, Mo PKH, Su XF, Tang J, Qin ZG, Gross DL. Insomnia partially mediated the association between problematic Internet use and depression among secondary school students in China. *J Behav Addict.* 2017 Dec 1;6(4):554-563. <https://doi.org/10.1556/2006.6.2017.085>. PMID: 29280394; PMCID: PMC6034947.
 15. Незнанов Н.Г., Коцюбинский А.П., Коцюбинский Д.А. Информационная психиатрия – новый подход к осмыслению воздействия цифрового информационного пространства на психическое здоровье индивидуума и социума. Сообщение 1. Обзорение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева. 2025. Т. 59, № 1. С. 18-30. Neznanov NG, Kotsyubinsky AP, Kotsyubinsky DA. Cyberpsychiatry is a new approach to understanding the impact of digital information space on the mental health of individuals and society. Report № 1. V.M. Bekhterev Review of Psychiatry and Medical Psychology. 2025;59(1):18-30. <https://doi.org/10.31363/2313-7053-2025-1-984> (in Russian).
 16. Незнанов Н.Г., Коцюбинский А.П. Коцюбинский Д.А. Информационная психиатрия – новый подход к осмыслению воздействия цифрового информационного пространства на психическое здоровье индивидуума и социума. Сообщение 2. Обзорение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева. 2025. Т. 59, № 2. С. 52-60. Neznanov NG, Kotsyubinsky AP, Kotsyubinsky DA. Cyberpsychiatry is a new approach to understanding the impact of digital information space on the mental health of individuals and society. Report № 2. V.M. Bekhterev Review of Psychiatry and Medical Psychology. 2025;59(1):18-30. <https://doi.org/10.31363/2313-7053-2025-2-985> (in Russian).
 17. Bhav S, Gawande S. *Cyberpsychiatry.* New Delhi – London: JPB, 2021:245.
 18. Шамрей В.К., Марченко А.А., Колчев А.И. Информационно-психологические войны и психическое здоровье военнослужащих. СПб.: ВМедА, 2022. 113 с. Shamrey VK, Marchenko AA, Kolchev AI. Information and psychological wars and mental health of military personnel. St. Petersburg: Military Medical Academy, 2022:113 (in Russian).
 19. Strotzka H. Einführung in die Sozialpsychiatrie. Reinbek (bei Hamburg): Rowohlt, 1965:152.
 20. Esquirol É. Des maladies mentales considérées sous les rapports médical, hygiénique et médico-légal. Vol. 1. Paris: Chez Jean-Baptiste Bailliè, 1838:678.
 21. Morel BA. *Traité des dégénérescences physiques, intellectuelles et morales de l’espèce humaine.* Paris: Jean-Baptiste Bailliè, 1857:23.
 22. Каплан Г.И., Сэдок Б.Дж. Клиническая психиатрия. / Пер. с англ.]. М.: Медицина, 1998; Т. 1. 672 с., Т. 2. 538 с. Kaplan GI, Sadock BJ. *Clinical Psychiatry / Translated from English.* Moscow: Medicine, 1998;1:672, 2:538 (in Russian).
 23. Бехтерев В.М. Внушение и его роль в общественной жизни. СПб.: Издание К.Л. Риккера, 1903. 144 с. Bekhterev VM. Suggestion and its role in social life. St. Petersburg: KL Ricker Publishing House, 1903:144.
 24. Sidis B. The psychology of suggestion. 1898 Aug 5;8(188):162-3. <https://doi.org/10.1126/science.8.188.162>. PMID: 17829852.
 25. Кавинова И.П. Психическая эпидемия как социальный феномен. *Гуманитарный вестник.* 2018. № 9 (71). С. 1-15. Kavinova IP. Mental epidemic as a social phenomenon. *Humanitarian Bulletin.* 2018;9(71):1-15. <https://doi.org/10.18698/2306-8477-2018-9-557> (in Russian).
 26. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995. 311 с. Le Bon G. Psychology of peoples and masses. St. Petersburg: Maket, 1995:311 (in Russian).
 27. Бехтерев В.М. Коллективная рефлексология. Петроград: Колос, 1921. 432 с. Bekhterev VM. Collective Reflexology. Petrograd: Kolos, 1921:432 (in Russian).
 28. Бехтерев В.М. Внушение и его роль в общественной жизни. СПб.: Издание К.Л. Риккера, 1908. 175 с. Bekhterev VM. Suggestion and its role in social life. St. Petersburg: KL Ricker Publishing House, 1908:175 (in Russian).
 29. Капралов В.В., Черняйков М.Н. Взаимосвязь понятий «антигосударственная пропаганда» и «информационная война». *Военная мысль.* 2018. № 1. С. 68-73. Kapralov VV, Chernyaykov MN. Interrelation of the concepts of “anti-state propaganda” and “information war”. *Military Thought.* 2018;1:68-73 (in Russian).
 30. Коцюбинский А.П., Коцюбинский Д.А. Психическое здоровье общества (часть 1). *Независимый психиатрический журнал.* 2018. № 4. С. 10-17. Kotsyubinsky AP, Kotsyubinsky DA. Mental Health of Society (Part 1). *Independent Psychiatric Journal.* 2018;4:10-17 (in Russian).
 31. Коцюбинский А.П., Коцюбинский Д.А. Психическое здоровье общества. Часть 2. *Независимый психиатрический журнал.* 2019. № 1. С. 19-26. Kotsyubinsky AP, Kotsyubinsky DA. Mental Health of society. Part 2. *Independent Psychiatric Journal.* 2019;1:19-26 (in Russian).

32. Young KS. Caught in the net: how to recognize the signs of Internet addiction – and a winning strategy for recovery. New York: J. Wiley, 1998:248.
33. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. [Пер. с фр.]. М.: Наука, 1991. 575 с. Durkheim E. On the division of social labor. The Method of Sociology. [Translated from French]. Moscow: Nauka, 1991:575. Durkheim E. De la division du travail social: etude sur l'organisation des societes superieures. Paris: Félix Alcan, 1893:504.
34. Коцюбинский Д.А. Новый тоталитаризм XXI века. Уйдёт ли мода на безопасность и запреты, вернётся ли мода на свободу и право? СПб.: Страта, 2022. 276 с. Kotsyubinsky DA. The new totalitarianism of the 21st century. Will security and prohibitions fade, and will freedom and law return? St. Petersburg: Strata, 2022:276 (in Russian).
35. Парсонс Т. Социальные системы (статья из Международной энциклопедии социальных наук). Личность. Культура. Общество. 2003. Т. 5, вып. 1-2. С. 169-203. Parsons T. Social systems (article from the International Encyclopedia of Social Sciences). Personality. Culture. Society. 2003;5(1-2):169-203 (in Russian).
36. Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с. Bauman Z. Liquid modernity. St. Petersburg: Piter, 2008:240 (in Russian).
37. Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории: синергетика, психология и футурология. 3-е изд. М.: ПЕР СЭ, Ай Пи Ар Медиа, 2024. 240 с. Nazaretyan AP. Civilization crises in the context of Universal history: synergetics, psychology and futurology. 3rd ed. Moscow: PER SE, IP R Media, 2024:240 (in Russian).
38. Тощенко Ж.Т. Фантомы общественного сознания и поведения. Социология (Белорусский государственный университет). 2014. № 1. С. 43-53. Toshchenko ZhT. Phantoms of public consciousness and behavior. Sociology (Belarusian State University). 2014;1:43-53 (in Russian).
39. Сигеле С. Преступная толпа. Опыт коллективной психологии / Пер. с франц. М.: Академический Проект, 2011. 124 с. Sigele S. The Criminal Crowd. An experience of collective psychology. Translated from French. Moscow: Academic Project, 2011:124 (in Russian). Sighele S. Foule criminelle. Paris: Ancienne Librairie Germer Bailliére Et Cie. Félix Alcan. Éditeur, 1892:183.
40. Фрейд З. Психология масс и анализ Я. Пер. с нем. М.: Академический проект, 2007. 176 с. Freud Z. Crowd Psychology and Analysis. Translated from German. Moscow: Academichesky Proekt, 2007:176 (in Russian). Freud S. Massenpsychologie und Ich-Analyse. Wien: Internationaler Psychoanalytischer Verlag, 1921:140.
41. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. Перевод с фр. с сокр. М.: Мысль, 1994. 399 с. Durkheim E. Suicide: A sociological study. Translation from French reduced. Moscow: Mysl, 1994:399 (in Russian). Durkheim Émile. Le Suicide: Étude de sociologie. Paris: Félix Alcan, 1897:486.
42. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с. Beck W. Risk Society. Towards Another Modernity. Moscow: Progress-Tradition, 2000:383 (in Russian).
43. Гофман А.Б. Проблематика традиции в творчестве Эмиля Дюркгейма. Социологический журнал. 2007, № 4. С. 63-73. Goffman AB. The problematic of tradition in the works of Emile Durkheim. Sociological Journal. 2007;4:63-73 (in Russian).
44. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. Тула: ООО «Тульский полиграфист», 2013. 208 с. Baudrillard J. Simulacra and Simulations. Tula: Tulsy Polygraphist, 2013:208 (in Russian). Baudrillard J. Simulacres et simulation. Paris: Editions Galilee, 1981:240.
45. Enoch MD, Ball HN. Uncommon Psychiatric Syndromes (Hodder Arnold Publication). L.: Butterworth-Heinemann, 1991:167.
46. Коцюбинский Д.А. Фактор Григория Распутина и кризис легитимности самодержавной власти в России в межреволюционные годы (1909-1916). Герценовские чтения 2021. Актуальные проблемы русской истории: сборник научных и учебно-методических трудов Всероссийской научной конференции. СПб.: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2022. С. 226-256. Kotsyubinsky DA. Grigory Rasputin Factor and the crisis of legitimacy of autocratic power in Russia in the interrevolutionary years (1909-1916). Herzen Readings 2021. Actual Problems of Russian History: Collection of Scientific and Educational-Methodological Papers of the All-Russian Scientific Conference. St. Petersburg: Center for Scientific and Information Technologies Asterion, 2022:226-256 (in Russian).
47. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. [Пер. с исп.]. М.: АСТ, 2002. 256 с. Ortega y Gasset J. The Uprising of the Masses: Collection [Trans. from Spanish]. Moscow: AST, 2002:256 (in Russian).
48. Хохлов А.А. Конспирологические теории как феномен медиавоздействия на общественное сознание. Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2020. № 1 (20). С. 96-104. Khokhlov AA. Conspiracy theories as a phenomenon of media impact on public consciousness. RSHU Bulletin. Series: Philosophy. Social Studies. Art Studies. 2020;1(20):96-104 (in Russian).
49. Huntington SP. The clash of civilizations and the remaking of world order. Foreign Affairs. 1993;72(3):22-49.
50. Ильницкий А.М. Ментальная война России. Военная мысль. 2021. № 8. С. 19-33. Ilnitsky AM. Russia's mental war. Military Thought. 2021;8:19-33 (in Russian).
51. Панченко А.А. Компьютер по имени Зверь: эсхатология и конспирология в современных религиозных культурах. Антропологический форум. 2015. № 27. С. 122-141. Panchenko AA. The Beast's computer: Eschatology and conspiracy theories in contemporary religious cultures. Anthropological Forum. 2015;27:122-141 (in Russian).
52. Попов В.С. Суеверия в современной социальной среде (на примере интернета). Аналитика культурологии. 2011. № 2 (20). С. 217-219. Popov VS. Superstitions in the modern social milieu (using the Internet as an example). Analytics of Cultural Studies. 2011;2(20):217-219 (in Russian).

Поступила в редакцию 21.11.2025

Утверждена к печати 02.03.2026

Коцюбинский Александр Петрович, д.м.н., профессор, главный научный сотрудник отделения социальной нейropsychиатрии ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и неврологии им. В.М. Бехтерева». ORCID iD 0000-0002-4826-9688. Author ID Scopus 14030170900. ResearcherID N-2253-2016. AuthorID РИНЦ 354433. SPIN-код РИНЦ 1311-8036.

Коцюбинский Даниил Александрович, к.и.н., научный сотрудник АНО «Международный центр социально-экономических исследований “Леонтьевский центр”». ORCID iD 0000-0002-3642-0774. ResearcherID C-2182-2016. AuthorID РИНЦ 812148. SPIN-код РИНЦ 1507-0837. kd1965@yandex.ru

✉ Коцюбинский Александр Петрович, ak369@mail.ru

UDC 616.89:613-86:616.89-008.444:316.62:316.758

For citation: Kotsyubinsky A.P., Kotsyubinsky D.A. Thesaurus of information psychiatry. Siberian Herald of Psychiatry and Addiction Psychiatry. 2026; 1 (130): 37-51. [https://doi.org/10.26617/1810-3111-2026-1\(130\)-37-51](https://doi.org/10.26617/1810-3111-2026-1(130)-37-51)

Thesaurus of information psychiatry

Kotsyubinsky A.P.¹, Kotsyubinsky D.A.²

¹ Federal State Budgetary Institution “V.M. Bekhterev National Medical Research Center for Psychiatry and Neurology” of the Ministry of Health of the Russian Federation
Bekhterev Street 3, 192019, St. Petersburg, Russian Federation

² Autonomous Non-Profit Organization “International Center for Social and Economic Research “Leontiev Center””
7th Krasnoarmeyskaya Street 25, lit. A, 190005, St. Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

Currently, the impact of the Internet, social media, and digital technologies on the human psyche has reached a qualitatively new level. In this regard, a new direction has emerged within social psychiatry: information psychiatry, which studies the influence of digital and electronic network factors on the mental state of not only individuals, but also social groups and society in general. The aim of this study was to analyze the existing literature on this issue, aimed at compiling and thoroughly substantiating not only the conceptual but also the terminological basis of information psychiatry as an integral part of social psychiatry. The following terms are presented as the main: mental health of society, mental norm of society, stress resistance of society, mass vulnerability, anomie, mass mental epidemic, mass psychosis, induced psychosis. The proposed thesaurus of information psychiatry is aimed at unifying the ideas of various research groups about the boundaries and substantive side of this new direction in psychiatry.

Keywords: Information psychiatry, social psychiatry, mental health of society, mental norm of society, stress resistance of society, mass vulnerability, anomie, mass mental epidemic, mass psychosis, induced psychosis.

Received November 21, 2025

Accepted March 02, 2026

Kotsyubinsky Alexander P., D. Sc. (Medicine), Professor, chief researcher of the Department of Social Neuropsychiatry, Federal State Budgetary Institution “V.M. Bekhterev National Medical Research Center for Psychiatry and Neurology” of the Ministry of Health of the Russian Federation, St. Petersburg, Russian Federation. ORCID iD 0000-0002-4826-9688. Author ID Scopus 14030170900. ResearcherID N-2253-2016. AuthorID RSCI 354433. SPIN-code RSCI 1311-8036.

Kotsyubinsky Daniil A., Cand. Sc. (History), research fellow, Autonomous Non-for-profit Organization “International Center for Social and Economic Research “Leontiev Center””, St. Petersburg, Russian Federation. ORCID iD 0000-0002-3642-0774. ResearcherID C-2182-2016. AuthorID RSCI 812148. SPIN-code RSCI 1507-0837. kd1965@yandex.ru

✉ Kotsyubinsky Alexander P., ak369@mail.ru